

Содержание

1. Вэн	3
2. На пути к облаку Оорта	18
3. Вэн влюблен	57
4. «Робин Броудхед, Инк.»	69
5. Джанин	89
6. После лихорадки	120
7. Небо хичи	161
8. Черный Питер	208
9. Бразилиа	233
10. Древнейший	270
11. С. Я. Лаврова	291
12. Шестьдесят миллиардов гигабит	302
13. В поворотном пункте	318
14. Долгая ночь снов	365
15. Древнее Древнейшего	385
16. Богатейший человек	405
17. Место, куда ушли хичи	434

1

ВЭН

Нелегко жить молодым, да еще будучи таким одиноким. «Отправляйся в золотое, Вэн, кради что хочешь, учись. Не трусь!» — говорили ему Мертвецы. Но как он мог не бояться? Эти глупые, но опасные Древние обитают в золотых коридорах. Там их можно встретить в любом месте, и особенно в конце, где беспрерывно устремляется к центру золотой поток символов. Именно туда Мертвецы уговаривали его идти. Возможно, они желали ему добра, но все равно он не в силах не бояться.

Вэн не имел представления, что будет, если Древние поймают его. Мертвецы, конечно же, знали, но он никак не мог понять, что они об этом болтают. Однажды, очень давно, когда Вэн был совсем маленьким и были живы его родители, отца поймали. Он отсутствовал очень долго, а потом вернулся в их освещенный зеленым светом дом. Отец дрожал, и двухлетний Вэн видел, что его большой сильный отец напуган, и потому сам плакал и кричал. Он испугался.

Тем не менее Вэн часто пробирался в золотое, несмотря на то что приходилось опасаться жабомордых. Ведь там книги. В компании Мертвецов, конечно, спокойнее. Но они капризны, обидчивы и скучны. Лучший источник знаний — книги, и чтобы получить их, он вынужден был рисковать.

Книги лежат в золотых коридорах. Есть и другие проходы: зеленые, красные, синие, но в них книг нет. Синие коридоры Вэн не любит, там холодно и тоскливо, но именно в них обитают Мертвецы. Зеленые же — предельно истощены. Большую часть времени Вэн проводит там, где на стене раскинулась мигающая паутина красных огоньков и где хопперы выдают пищу — он знает, что здесь ему ничто не угрожает, но тут Вэн совершенно одинок. А золотые все еще используются, поэтому интересны, но одновременно и опасны. И Вэн торчит здесь, негромко ругаясь про себя, потому что у него нет выхода. Проклятые Мертвецы! Зачем он только их слушал?

Дрожа от страха, Вэн укрывался за ненадежной защитой раскидистого ягодного куста, а двое глупых Древних задумчиво срывали с другой стороны крупные ягоды и совали в свои лягушечьи пасти. Вэну казалось странным, что они бездельничали. Он презирал Древних и за то, что они постоянно что-нибудь делали: чинили, таскали, болтали как одержимые. Но эти двое бездельничали, как сам Вэн.

У обоих Древних росли редкие бороды, а у одного выступала грудь. Вэн узнал самку, он видел ее много раз. Это была та самая самка, которая особенно старательно украшала свое сари, или как еще назвать обрывки разноцветной бумаги и пластика.

Вэн не думал, что они его заметят, но почувствовал большое облегчение, когда спустя какое-то время Древние повернулись и ушли. При этом они не обменялись ни единым словом. Вэн

почти никогда не слышал, чтобы жабомордые разговаривали. А когда такое происходило, он не понимал их речь. Сам же Вэн прилично изъяснялся с Мертвецами на шести языках: испанском — своего отца, английском — матери, а также на немецком, русском, китайском и финском.

«Как только Древние ушли в глубь золотого коридора — быстро беги, бери книги и сматывай», — учили его Мертвецы. Так Вэн и поступал. Он схватил три книги и благополучно вернулся в красный коридор. Может, Древние видели его, а может, и нет — они не умеют быстро реагировать. Поэтому ему удавалось так долго скрываться от них. Несколько подобных вылазок, и Вэн исчезал. К тому времени, как Древние обнаруживали пропажу, он успевал вернуться на корабль.

Вэн отнес книги на корабль, уложив их в корзину, нагруженную пакетами с едой. Он мог улететь в любую минуту, но немного опасался за аккумуляторы, которые следовало все-таки подзарядить.

Особенно торопиться Вэну было некуда. Почти час он занимался тем, что наполнял пластиковые мешки водой для долгого скучного пути. Вэн жалел, что на корабле нельзя читать. По крайней мере было бы не так скучно.

Устав от работы, Вэн решил попрощаться с Мертвецами. Они могли ответить ему, а могли и промолчать. Но больше поговорить все равно было не с кем.

К этому времени Вэну исполнилось пятнадцать лет. Он был высок, жилист, очень смугл по природе, но еще больше загорел от огней на кораб-

ле, где постоянно находился. Будучи сильным малым, Вэн полагался только на себя. Да иначе и не могло быть. В хопперах всегда есть пища и все, что требуется для нормальной жизни, надо только не побояться взять. Раз или два в год Мертвецы, если вспоминали, хватали его своей маленькой подвижной машиной и перевозили в голубое помещение. Там он проводил изнуряюще скучный день, подвергаясь тщательному физическому обследованию. Иногда ему лечили зубы, обычно вводили долгодействующие витамины и минеральные растворы, а один раз снабдили очками. Но Вэн наотрез отказался их носить.

Почти каждый раз Мертвецы напоминали ему о необходимости учиться — у них самих и у книг. Но об этом они могли бы и не говорить — Вэну нравилось учиться. А в остальном он был полностью предоставлен самому себе. Если ему нужна была одежда, Вэн шел в золотые коридоры и крал у Древних. Если становилось скучно, он находил какое-нибудь немудреное, но интересное занятие. Так жизнь и шла: несколько дней в коридорах, несколько недель в корабле, затем небольшой перерыв, и все начиналось заново. Время летело незаметно.

Друга или приятеля у Вэна не было, как и родственников, которые бесследно исчезли, когда ему едва исполнилось четыре года. Он почти забыл, что это такое — иметь близкого человека. Но к тому времени Вэну уже было почти все равно — он свыкся со своим существованием. Такая жизнь казалась ему естественной и вполне сносной, и Вэн никогда не пытался анализировать ее — ему просто не с чем было сравнивать.

Иногда Вэн думал, что неплохо было бы поселиться в одном месте, но дальше размышлений об этом он не шел. До твердого решения дело никогда не доходило. Уже одиннадцать лет он, словно челнок, сновал туда и обратно. Там, где он отдыхал от полетов, были такие вещи, которых нет у цивилизации. Например, комната для снов, где можно лечь, закрыть глаза и не чувствовать себя одиноким. Но жить в этом месте он не мог, несмотря на обилие пищи и отсутствие опасностей. У цивилизации же было много такого, что не имело отдаленное поселение. Мертвецы и книги, захватывающие экспедиции и смелые набеги за одеждой и вещами. Там жизнь была полна интересных событий, но жить он не мог и здесь. Рано или поздно жабомордые его все равно поймали бы. Поэтому Вэн предпочитал передвигаться.

Главная дверь, ведущая в помещение Мертвецов, не открылась, когда Вэн наступил на педаль. Слегка удивленный, он попробовал еще раз, а затем толкнул дверь руками. Результата не последовало, и Вэн толкнул сильнее. Ему потребовалась вся сила, чтобы справиться с ней. Раньше Вэну никогда не приходилось открывать дверь вручную, хотя иногда она поддавалась медленно и со скрипом, и он вынужден был подолгу ждать у порога.

Авария, если это была она, неприятно удивила Вэна. У него уже был некоторый опыт с вышедшими из строя дверными механизмами, и он понял, что теперь не сможет добраться до зеленых коридоров. Правда, там были только еда и тепло, а этого достаточно и в красных, и даже в золотых проходах. Единственное, что его смущало, —

вдруг что-то случилось с Мертвецами. Если они вышли из строя, других советчиков и собеседников у него нет.

Но пока все выглядело нормально — комната с консолями была ярко освещена, температура — обычная, а из-за двери доносились негромкие шумы, как будто Мертвецы в его отсутствие продолжали обмозговывать свои долгие безумные думы.

Вэн сел, как всегда стараясь поудобнее устроиться на высоком сиденье, и надел на голову наушники.

— Я отправляюсь в поселение, — сказал он.

Ответа не последовало. Тогда Вэн повторил сообщение на всех языках, какие знал, но похоже было, что никто не собирался с ним разговаривать.

Раньше, когда он надевал наушники, откликались сразу двое-трое, а иногда и больше. Тогда затевался долгий приятный разговор, и Вэну начинало казаться, что он в этом мире не один. Как будто его приняли в члены «семьи» — это слово он узнал из книг и долгих разговоров с Мертвецами, но в реальности его почти не помнил.

Хорошо было поговорить с ними. Почти так же хорошо, как в комнате для сна. Там у него тоже создавалась иллюзия, будто он часть сотен, а то и миллионов семей. Ощущение, что он нужен огромному количеству людей. Но в отличие от комнаты сна здесь он имел реальный разговор и так привык к беседам, что долго не мог обходиться без них. Поэтому, когда из-за отсутствия воды ему приходилось покидать поселение и возвращаться к Мертвецам, Вэн никогда не расстраивался. Тем более что заветная кушетка с металли-

ческим покрывалом в комнате сна всегда готова была принять его. Другое дело, что до кушетки сейчас было очень далеко, и Вэн решил попробовать еще раз связаться с Мертвецами.

Даже когда они отказывались поболтать, иногда Вэну удавалось услышать что-нибудь интересное. В таких случаях он обращался к Мертвецу непосредственно. Немного подумав, Вэн набрал номер 57 и услышал далекий печальный голос. Мертвец в его ухе говорил сам с собой.

— ...пыталась рассказать ему об исчезающей массе. Единственная масса, которая его интересует, — это двадцать кило сисек и задницы! Эта шлюха Дорис! Один раз посмотрел на нее — и все! Забыл о полете, забыл обо мне...

Нахмурившись, Вэн протянул руку, собираясь отключиться. Эта пятьдесят седьмая такая взбалмошная! Вэн любил с ней поболтать, ее манера говорить немного напоминала ему мать. Но от астрофизики, космических полетов и других интересных вещей пятьдесят седьмая всегда переходила к своим личным проблемам.

Вэн плюнул на то место панели, за которым, как он считал, живет пятьдесят седьмая — этой хитрости он научился у Древних, — надеясь, что она скажет что-нибудь интересное. Но она не собиралась этого делать. Пятьдесят седьмая — когда она говорит понятно, предпочитает, чтобы ее называли Генриеттой — бормотала о рослых рыжеволосых парнях и об измене Арнольда с Дорис.

— Мы могли бы быть героями, — всхлипнула она, — и получить десять миллионов, а может, и больше. Кто знает, сколько бы нам запла-

тили за двигатель? Но они продолжали уединяться в шлюпке и... Кто тут?

— Я, Вэн, — ответил мальчик, ободрительно улыбаясь панели, хотя не был уверен, что она его видит. Казалось, у нее начинается один из периодов прозрения. Обычно пятьдесят седьмая не понимала, что он с ней разговаривает. — Пожалуйста, продолжай говорить, — попросил Вэн.

Наступила пауза, после которой Генриетта расстерянно проговорила:

— NGC1199, Стрелец А Запад.

Вэн вежливо ждал. Еще одна долгая пауза, и потом она продолжила:

— Его совсем не интересовало движение. Все его движения были к Дорис. Она вдвое моложе его! И глупая как репа. Она никогда не попала бы в экипаж...

Вэн помотал головой, как жабомордый.

— Ты очень скучная, — строго сказал он и отключил ее. Затем Вэн подумал и набрал номер 14 — профессора.

— ...хотя Элиот еще учился в Гарварде, воображение у него было, как у взрослого. И он был гений. «Я был бы острыми клешнями...» — это же самоунижение человека толпы, доведенное до символических пределов. Каким он видит себя? Всего лишь ракообразным. Даже не ракообразным, а символом ракообразного — клешнями. И притом острыми. А в следующей строке мы видим...

Вэн плюнул на панель и отключился — вся стена перед ним была испачкана знаками его неудовольствия. Ему нравилось, только когда профессор цитировал поэзию, но не когда он рассуждал

о ней. С такими сумасшедшими, как четырнадцатый или пятьдесят седьмая, никогда не знаешь, чего ждать. Они редко отвечают, и ответ почти всегда не имеет отношения к вопросу. Их приходится либо покорно слушать, либо выключать.

Вэну пора было отправляться в путь, но он решил попытаться еще раз и поговорить с единственным трехзначным номером, личным другом, которого звали Крошечный Джим.

— Привет, Вэн. — Его голос прозвучал печально и в то же время настороженно, как будто Крошечный Джим был чем-то напуган. — Это ты, Вэн?

— Какой глупый вопрос. А кто еще может быть?

— Никогда не знаешь, кто тебя вызывает, Вэн. — Наступила пауза, потом Крошечный Джим неожиданно захихикал: — Я тебе рассказывал о священнике, раввине и дервише, у которых кончилась пища на планете из свинины?

— Да, Крошечный Джим, к тому же мне не хочется слушать анекдоты.

Невидимый микрофон погудел, затем Мертвец спросил:

— Тебе все то же, Вэн? Опять желаешь поговорить о сексе?

Мальчик сохранил независимое выражение, но почувствовал знакомое напряжение внизу живота.

— Пожалуй, Крошечный Джим.

— Ты настоящий дикий жеребец для твоего возраста, Вэн, — сказал Мертвец. — Хочешь, я расскажу тебе, как меня чуть не упекли в тюрьму за сексуальное оскорбление девушки? Жарко было, как в аду. Я ехал на поздней электричке к парку Розель, и в вагон вошла девушка. Она

села напротив меня, задрала ноги и спокойно стала обмахиваться юбкой. Что мне оставалось делать? Я сидел и смотрел. А она, как ни в чем не бывало, продолжала размахивать своим подолом. А я, естественно, пялил на нее глаза, пока она не пожаловалась проводнику. И тот высадил меня из поезда. А знаешь, что в этом самое забавное?

Вэн был очарован.

— Нет, Крошечный Джим, не знаю, — выдохнул он.

— Забавно, что я перед этим опоздал на свой обычный поезд. Мне пришлось убивать время в городе, и я пошел на порнофильм. Два часа на экране происходило нечто невообразимое. Боже мой, в любой позе, какую можно представить. Больше увидишь только в проктоскоп. Так почему же я смотрел на эту девчонку и ее белые трусики? Но самого забавного ты еще не знаешь.

— Не знаю, Крошечный Джим, — поспешно согласился Вэн.

— Девчонка оказалась права! Я смотрел на нее во все глаза. Перед этим я видел акры груди и промежностей, но не мог оторвать от нее взгляда! Но и это еще не самое интересное. Хочешь, я тебе расскажу, что было забавнее всего?

— Скажи, пожалуйста, Крошечный Джим.

— Она вышла из вагона со мной. Девчонка оказалась не промах. Она отвела меня к себе домой, и мы занимались любовью всю ночь, парень. Снова и снова, до самого утра. Никак не могу вспомнить ее имени. Ну, что скажешь, Вэн?

— Это правда, Крошечный Джим?

Последовала пауза, а затем Мертвец проговорил:

— Нет. Зря ты докапываешься, Вэн. Так ты все портишь, делаешь неинтересным.

— Мне не нужны вымышленные истории, Крошечный Джим, — обиженно ответил Вэн. — Меня интересуют факты. — Он рассердился и даже собрался выключить Мертвеца, чтобы наказать его, но не был уверен, кто при этом пострадает больше. — Я бы хотел, чтобы ты был хорошим, Крошечный Джим, — льстивым голосом продолжил Вэн.

— Ну что ж, я попытаюсь. — Некоторое время бестелесный мозг что-то нашептывал и шелкал, сортируя свои разговорные цепи. Потом шумы прекратились, и Мертвец спросил: — Хочешь знать, почему селезни насилуют своих самок?

— Нет!

— Мне почему-то кажется, что на самом деле хочешь, Вэн. Это ужасно интересно. Ты никогда не поймешь поведение приматов, если не рассмотрим весь спектр репродуктивного поведения. В том числе и самые необычные случаи. Даже поведение червей *Acanthocephala*. Они тоже практикуют насилие. А знаешь, что делают *Moniliformis dubius*? Они насилуют не только своих самок, но даже соперников-самцов. Эти сексуальные гиганты облепляют их грязью, как гипсом. Так что у червя-соперника не может встать...

— Я не хочу этого слышать, Крошечный Джим!

— Но ведь это интересно, Вэн! Наверное, поэтому их называют *dubius** — Мертвец механически захихикал: — А-хе! А-хе!

* Сомневающийся, нерешительный (*лат.*). — *Примеч. пер.*

— Прекрати, Крошечный Джим, — не очень настойчиво потребовал Вэн. Он больше не сердился на своего друга. Вэн был очарован. Это была его любимая тема, а готовность Крошечного Джима рассказывать о сексе разнообразно и бесконечно сделала его любимцем Вэна среди Мертвецов.

Вэн развернул пищевой пакет, немного пожевал, а затем произнес:

— Я хочу услышать, как это делается, Крошечный Джим.

Если бы у Мертвеца было лицо, ему, пожалуй, не удалось бы сдержать усмешку, но Крошечный Джим добрым голосом ответил:

— Хорошо, сынок. Я знаю, что ты не оставляешь надежды. Помнишь, я учил тебя, что нужно внимательно следить за их глазами?

— Да, Крошечный Джим. Ты говорил, что если их зрачки расширяются, значит, они сексуально возбуждены.

— Верно, — по-отечески похвалил Мертвец. — А я говорил тебе о существовании сексуально диморфических структур в их мозгу?

— Я не понимаю, что это значит.

— Я тоже, но анатомически это так. Они другие, Вэн, понимаешь? И снаружи, и внутри.

— Пожалуйста, Крошечный Джим, расскажи об этих отличиях! — все более увлекаясь, попросил Вэн.

Мертвец увлеченно делился опытом, а Вэн завороченно слушал. На корабль можно было не топиться — он никуда не денется, а Крошечный Джим сегодня был необычайно разговорчив.

У каждого Мертвеца была своя излюбленная тема, как будто тот замерз с этой мыслью в мозгу. Но даже в разговоре на любимую тему от них не всегда можно было добиться толку.

Вэн оттолкнул подальше подвижное устройство, с помощью которого его отлавливали для обследования, во весь рост растянулся на полу и положил подбородок на ладонь. А Мертвец говорил, вспоминал, подробно объяснял, что такое ухаживание, подарки, решительные шаги. Его лекция захватывала Вэна, словно Крошечный Джим рассказывал о необыкновенных приключениях. И хотя Вэн уже не раз все это слышал, он с таким же интересом внимал Мертвецу, пока Крошечный Джим не заговорил медленно. Затем рассказчик споткнулся и замолк. После этого Вэн приподнял голову и попросил:

— Поучи меня, Крошечный Джим. Я читал книгу, в которой мужчина и женщина совокуплялись. Он ударил ее по голове и потом занимался с ней сексом, пока она была без сознания. Мне это кажется эффективным способом «любви», но в других книгах все происходит гораздо дольше. Почему?

— Это не любовь, сынок. Это то, о чем я тебе говорил в начале, — это насилие. Насилие у разумных существ недопустимо, хотя, может, и хорошо у селезней.

В знак того, что он понял, Вэн кивнул и снова задал вопрос:

— А почему?

Крошечный Джим немного помолчал, словно размышляя над ответом, и затем проговорил:

— Попробую объяснить тебе это с помощью математики, Вэн, — начал Мертвец. — Сексуально привлекательный объект можно определить как женщину моложе тебя не больше, чем на пять лет, и не старше, чем на десять. Такое расхождение справедливо только для твоего возраста и, конечно же, является приблизительным. Привлекательный сексуальный объект, далее, можно охарактеризовать по визуальным, обонятельным, тактильным и акустическим признакам, расположенным в порядке убывающей важности. Именно они стимулируют тебя и указывают на возможный доступ. Ты меня понимаешь?

— Нет, — ответил Вэн, и Мертвец на какое-то время снова замолчал.

— Ну ладно, я постараюсь попроще, — вновь заговорил Крошечный Джим. — Слушай меня внимательно. На основе этих четырех признаков некоторые женщины будут для тебя сексуально привлекательны. До самого контакта ты не будешь подозревать о существовании других признаков, которые могут оттолкнуть тебя, как-нибудь повредить или снизить твою половую потенцию. 5/28 объектов находятся в состоянии менструации. У 3/87 — гонорея, у 2/95 — сифилис. У 1/17 на теле слишком густые волосы, безобразные кожные наросты или другие физические недостатки, скрытые под платьем. И наконец, 2/71 будут вести себя оскорбительно во время взаимодействия, 1/16 — распространять вокруг себя неприятный запах, 3/7 будут сопротивляться насилью так ожесточенно, что уменьшат или сведут на нет то, чего ты добивался, то есть наслаждение. Оценки даны применительно к твоему пси-